

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.17223/22220836/45/2

ПЛАТЬЕ-РУБАШКА КАК ЗНАК ИСКЛЮЧЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ ИЗ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

Мария Вячеславовна Гурьянова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
gmarisabel@mail.ru*

Аннотация. Мода как сфера эфемерного, идентифицируемая с женским полом, возникла в конце XVIII в. как следствие на гендерное разделение общественных ролей мужчин и женщин, что в том числе нашло отражение в возникновении такого предмета женского гардероба, как платье-рубашка, обозначив исключение женщин из социально-политической сферы, приемлемой только для представителей сильного пола. В связи с этим в данной статье была сделана попытка рассмотреть историко-культурный контекст возникновения платья-рубашки как знака идентификации женщин с частной сферой.

Ключевые слова: мода, идентичность, тело, частная сфера

Для цитирования: Гурьянова М.В. Платье-рубашка как знак исключения женщины из социально-политической сферы в конце XVIII – начале XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 45. С. 18–24. doi: 10.17223/22220836/45/2

Original article

THE SHIRT DRESS AS A SIGN OF EXCLUSION OF WOMEN FROM THE SOCIO-POLITICAL SPHERE IN THE LATE XVIII – EARLY XIX CENTURIES

Maria V. Guryanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, gmarisabel@mail.ru

Abstract. Fashion as an ephemeral and feminine sphere arose at the end of the 18th century as a kind of consequence of the gender division of the social roles of men and women. Until the French Revolution, both men and women were distinguished by the desire for luxurious bright fabrics, an abundance of decorations and trimmings, which were the main means of representing their social status. The French revolution embodied the destruction of the vestimentary system of the Old regime and, as consequence, negated the importance of visual representation of the individual's identity, putting forward instead a bourgeois ideal with its value of private life and inalienable talents and abilities of the individual that do not have vestimentary channels of expression. In this regard, the shirt dress, which arose in the 1780s under the influence of the ideas of Antiquity and the utilitarian tendencies in costume, which came from England, having received its greatest impact in the neoclassical modes of the style of Empire. By emphasizing and exposing bodily outlines, this kind of dress embodied the collapse of the vestimentary system of the old regime, revealing the basis of fashion changes – a private body.

Neoclassical fashion with dresses revealing body shapes can be considered the starting point of bourgeois fashion, by such a way manifesting the female body as the main object of transformation in fashion. The reduction of a woman to her corporality and to the private sphere, expressed in such dresses, can also be considered as a consequence of her exclusion from the

political sphere as it declared in the Constitution of 1791, which deprived women of any political rights and, as a consequence, of the possibility of a similar with men vestimentary representation of their social identity. Thus, the aim of this article is to examine the historical and cultural context of the exclusion of women from the political sphere, a sign of which was the shirt dress that not only embodied the identification of women with a private sphere, but also, showing more than ever the outlines of the body in a public sphere, expressed the manifestation of the female body as the main object of transformation and manipulation in the bourgeois fashion.

Keywords: fashion, identity, body, private sphere

For citation: Guryanova M.V. The shirt dress as a sign of exclusion of women from the socio-political sphere in the late XVIII – early XIX centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universita. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2022;45:18-24. doi: 10.17223/22220836/45/2

В конце XVIII в. возникает «новая культура моды, которая начинает ассоциироваться с женственностью и фривольностью» [1. Р. 211]. Не последнюю роль в ее становлении сыграли идеи Ж.-Ж. Руссо, наделившего моду статусом природной наклонности, свойственной только женщинам. Украшение себя, прихорашивание настолько свойственно, по мнению мыслителя, женской натуре и противоестественно мужской, что такое четкое разделение прослеживается уже в детстве, в играх, которые предпочитают представители того или иного пола: если мальчикам больше по душе шумные, энергичные игры, то девочкам – зеркала, украшения и куклы, а также наряды, которые они любят, как считает Ж.-Ж. Руссо, с самого детства [2. С. 445]. Хотя, по его мнению, интерес женщин к одежде, украшениям и к тому, чтобы нравиться мужчинам («если женщина создана для того, чтобы нравиться и быть подчиненной, то она должна сделать себя приятной для мужчины» [Там же. С. 433]) – неизбежное, даже достойное похвалы следствие ее натуры, он тем не менее проводит различие между культивированием красоты и следованием моде, питая отвращение к способам, какими коммерческая культура Парижа развращает женский вкус, навязывая постоянно меняющиеся модные товары вместо простых тканей и цветов, необходимых, чтобы подчеркнуть естественную красоту женщин [3. Р. 944–945].

Несмотря на такое неоднозначное отношение Ж.-Ж. Руссо к феномену моды, с одной стороны, выступающей в качестве естественной наклонности слабого пола, а с другой – в то же время эту самую женскую природу в недостаточной мере подчеркивающей, мыслитель достаточно определен в вопросе отношения мужчин к моде, считая, что даже присутствие мужчин в сфере моды в качестве производителей противоестественно. «Никогда мальчик сам не пожелает быть портным; нужно искусство, чтобы засадить за это женское ремесло пол, который не создан для него. Иглой и шпагой не сумеют владеть одни и те же руки. Будь я государем, я дозволил бы швейное и портняжное ремесло только женщинам и хромым, которые принуждены заниматься тем же, чем и женщины» [2. С. 232]. Чуть позднее, в 1802 г., доктор П.-Ж.-Ж. Кабанис в работе «Взаимоотношение физического и морального в человеке» («Rapports du physique et du morale de l'homme») выдвинул физиологическую теорию о различиях в интеллектуальных способностях полов, настаивая на несопоставимости между ними и утверждая, что женщины в меньшей степени подходят как для научных и академических занятий, так и для гражданских и общественных ролей [4. Р. 198]. По свидетельству

К. Кейдж, обширный дискурс такой литературы в этот период, внутри которого приведенная выше работа является лишь одним из примеров¹ [4], обусловлен выдвинутой Ж.-Ж. Руссо проблематикой трактовки гендерных различий не как социокультурных конструктов, а как укорененных непосредственно в природе, что во многом и определило становление гендера в качестве жесткой категории идентичности не только в сфере моды, но и в других областях. Одним из импульсов, способствующих переосмыслению положения мужчин и женщин в обществе, можно считать в том числе и Конституцию 1791 г., открыто приписывающую женщин к категории пассивных граждан, тем самым фиксируя факт вытеснения женщин из политической сферы, что также нашло отражение в закрытии Конвентом в октябре 1793 г. женских политических клубов² [5. С. 47], а также в запрете на все виды политического участия женщин [6. Р. 128]. При Старом Режиме, когда «понятия всеобщих прав еще не существовало, недопущение женщин к официальным каналам власти не было чем-то исключительным, так как схожее положение они разделяли с большинством мужчин того времени» [7. Р. 2], с Революцией же между положением женщины и мужчины в обществе стала проводиться четкая граница, закрепившая за мужчинами сферу публичного, политического, а за женщинами – сферу частного (дома, семьи и материнства). Такое разделение не преминуло отразиться и во внешнем облике обоих полов, введя четкое разграничение между женским гардеробом, продолжающим «апеллировать к визуальной репрезентации, отсылавшей к семиотике абсолютистского двора Старого Режима, где шляпка говорила больше тысячи слов» [1. Р. 213], и мужским, характеризовавшимся, как отметил Дж. Флюгель, «великим мужским отказом» [8. Р. 110–113] от репрезентации своей идентичности посредством шелков, отделок и кружев. Данное разделение было настолько фундаментальным, что книга «Туалет дам, или Энциклопедия Красоты» (*Toilette des dames, ou Encyclopedie de la Beaute*) [9. Р. 196], вышедшая в 1806 г., указывала на существовавшие гендерные различия и при выборе тканей: если прозрачный газ и муслин маркировались как исконно женские ткани, то сильному полу соответствовали одеяния из шерстяных тканей. Так, линия демаркации между публичным и частным, мужским и женским четко разграничила вестиментарный рынок конца XVIII – начала XIX в.

Таким образом, именно сфера частного становится полем, идентифицируемым с женщинами. Не только семья и материнство, но коммерческая культура, активно набирающая обороты с XVIII в. [10, 11], в большей части оказывается рассчитана на нее как своего основного потребителя, «чей ум и чувственная организация делает женщину идеально подходящей для потребления, особенно ее пассивность делает ее крайне восприимчивой к тому, что-

¹ Roussel P. *Système de la femme* (1775); Saint-Lambert J.-F. *Analyse de l'homme et de la femme* (1798–1801); Thomas A.-L. *Essai sur le caractère, les moeurs et l'esprit naturel de la femme* (2nd éd., 1803); De la Sarthe M. *Histoire naturelle de la femme* (1803); Jouard G. *Nouvel essai sur la femme considérée comparativement à l'homme* (1804).

² Поводом к закрытию клубов (30 октября 1793 г.) стало несогласие женщин с внешним видом республиканок-санкюлотов, которые накануне «прогуливались утром по рынку и хранилищам мяса Инносан в брюках и красных колпаках; они пытались заставить и других гражданок надеть такой же костюм. Образовалось скопление из приблизительно шести тысяч человек... ни жестокостью, ни угрозами невозможно принудить их носить одежду, которая, по их мнению, должна быть оставлена мужчинам».

бы быть захваченной впечатлением от приятных и фривольных изделий» [3. Р. 953]: уже в 1700 г. большинство женщин от домашних слуг до благородных дам тратили на одежду в два раза больше средств, чем их мужья, а после 1750 г. стоимость женского гардероба среди всех классов возрастала в пятьдесят раз быстрее мужского [12].

Вытеснение женщин в сферу частного находило свое выражение и в господствующей неоклассической женской моде этого периода, буквально сводившейся к *chemise* (рубашке), можно сказать, собой эту сферу воплощающей. Освобождению нижней рубашки от статуса «неглиже» способствовал не в последнюю очередь портрет Марии-Антуанетты кисти Э. Виж-Лебрен 1783 г., в том же году выставленный в Салоне и вызвавший массовое возмущение неуместностью неформального одеяния для репрезентации королевы на официальном портрете. Задействованные в производстве и торговле товарами моды обвиняли ее, в свою очередь, в том, что на портрете «королева предстала как горничная, чтобы унижить Францию, умышленно разрушая таким образом французскую индустрию одежды» [3. Р. 945]. Пренебрежение шелками и отделкой со стороны Марии-Антуанетты, так экономически существенных для французской экономики, во многом можно считать следствием как распространения английских мод с их тяготением к неформальным одеяниям и к идиллии сельской жизни, к которой такие наряды располагали, так и дискурса Ж.-Ж. Руссо с его противопоставлением природного наследия цивилизаций («Рассуждение о науках и искусствах»), влияние которых было настолько существенным в культуре с их идеей доминирования неформального над официальным, что нашло отражение как в предпочтении королевы Малого Трианона с его «домашней» атмосферой ритуальному Версалью, так и в появлении такого платья, как «королевская рубашка» («*chemise à la reine*»), изображенного на упомянутом портрете. Как замечает Франсуа Метра (Francois Metra), уже в конце февраля 1795 г. Мария-Антуанетта «выразила желание отказаться от ношения платьев-рубашек (*chemises*), рединготов (*redingotes*), платьев «а-ля полонез» (*à la polonaises*) или левит (*levites*) (предметов одежды, которые господствовали в Трианоне) в пользу более серьезного платья «а-ля франсэз» (*robe à la française*)» [13. Р. 171]. Тем не менее тенденция становления такого рода «неглиже» в качестве социально приемлемого одеяния уже была заложена, подкреплённая королевским авторитетом в форме такого знакового портрета, в дальнейшем получив развитие уже в неоклассических модах.

Платье-рубашка более основательно вошла в женский гардероб в период Директории, воспринимаясь современниками как реакция, с одной стороны, на раскопки в Геркулануме и Помпеях, с другой же – как отражение общественного увлечения республиканскими идеями Античности. По этому поводу Л.-С. Мерсье отмечает, что «он не знает, насколько сильно одежда слабого пола связана с республиканскими формами правления Греции, но модели их платьев в точности повторяют фасоны Аспасии: обнаженные руки и грудь, ступни, обутые в сандалии, и волосы, собранные в косы вокруг их головы» [14. Р. 319]. Так, неформальное одеяние, а точнее нижняя рубашка, вошло в женскую моду как официальный наряд (придворный костюм Жозефины, *ex-merveilleuse*¹, когда-то совместно с мадам Тальен эпатировавшей публику

¹ Мервейез – термин, обозначающий модниц периода Директории (1795–1799), для которых была характерна эксцентричность вестиментарного поведения.

полупрозрачными «античными» платьями-рубашками, своей высокой талией и короткими рукавами с пуфами, продолжая отсылать к неоклассическим модам [15. Р. 71, 93]), тем самым продемонстрировав один из путей развития моды от неформального одевания к формальному. По мнению А. Рибейро [16. Р. 681–682], такой путь развития моды уходит корнями в средневековье, когда появилось такое понятие, как ночная рубашка, как знак в какой-то степени сферы, пролегающей между общественной репрезентацией и непосредственно индивидом, которую одевали на тело при пробуждении ночью. Уже в конце XVI в. ночная рубашка превратилась в платье, которое носили по утрам, а через какие-то двести лет приобрела статус почти формального костюма.

Статус белья до Французской революции [17. Р. 173], его запретившей, тем самым обозначив тотальное обобществление жизни индивида, целиком и полностью сводя его к его функции гражданина, был достаточно многозначителен. До революции, проглядывая сквозь разрезы на одежде¹ [16. Р. 662] или в области манжет и воротника, чистота белья в условиях дефицита воды обозначала социальный статус индивида² [18. С. 317], реализуя так свойственную аристократическому этосу «игру кажимостей». Соприкасаясь непосредственно с телом, но при этом реализуя функции маркера социального положения, роль белья в данном случае оказывалась амбивалентной, будучи причастной сфере частного, оно тем не менее одновременно было и средством социальных различий, тем самым давая основание в период революции, стремящейся нивелировать любые статусные различия, для отказа от такового. Несмотря на то, что можно предположить, что неоклассические моды с их платьями-шенизами (*chemise*) в античном стиле в период Директории не несли в себе семантику нижнего белья в связи с отсутствием такового в предшествующие годы революции, они тем не менее, как и платье (королевская сорочка) Марии-Антуанетты, более отчетливое в своей семантике, выражают не что иное, как факт становления пространства частной сферы – единственного поля самовыражения женщины, демонстрируя факт ее исключения из политической сферы средствами такой «бельевой» манифестации.

Список источников

1. Jones M.J. Sexing la Mode. Gender, Fashion and Commercial Culture in Old Regime France. Oxford. New York : Berg, 2004. 256 p.
2. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения : в 2 т. М. : Педагогика, 1981. Т. 1. 656 с.
3. Jones M.J. Repackaging Rousseau: Femininity and Fashion in Old Regime France // French Historical Studies. 1994. Vol. 18, № 4. P. 939–967.
4. Cage E.C. The Sartorial Self: Neoclassical Fashion and Gender Identity in France, 1797–1804 // Eighteenth-Century Studies. 2009. Vol. 42, № 2. P. 193–215.
5. Бар К. Политическая история брюк. М. : Новое лит. обозрение, 2013. 328 с.
6. Kale S.D. Women, the Public Sphere, and the Persistence of Salons // French Historical Studies. 2002. Vol. 25, № 1. P. 115–148.
7. Landes J.B. Women and the public sphere in the age of the French Revolution. Itaca, London : Cornell University Press, 1988. 296 p.

¹ Предположительно разрезы на одежде появились в результате битвы при Грансоне (1476), когда швейцарские солдаты, одержавшие победу над армией Карла Смелого, украсили свои одежды полосками ткани с одежд бургундских воинов в качестве трофея. Через германских ландсхетов (наемных солдат) эта мода распространилась по большей части Северной Европы.

² В «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо пишет о чистоте белья как предмете роскоши.

8. Flugel J. C. *The Psychology of Clothes*. Hogarth Press, 1930. 257 p.
9. Caron A. *Toilette des dames ou encyclopédie de la beauté*. Paris : A.G. Debray, 1806. 747 p.
10. Kwass M. Ordering the World of Goods: Consumer Revolution and the Classification of Objects in Eighteenth-Century France // *Representations*. 2003. Vol. 82, № 1. P. 87–116.
11. McKendrick N. The Consumer Revolution of Eighteenth-Century England // eds. N. McKendrick, J. Brewer, J.H. Plumb. *The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England*. London : Europa Publications Limited, 1982. P. 9–33.
12. Roche D. L'économie des garde-robes a Paris, de Louis XIV a Louis XVI // *Communications*. 1987. Vol. 46. P. 93–117.
13. Weber C. *Queen of fashion: what Marie Antoinette wore to the Revolution*. New York : Picador. Henry Holt and Company, 2006. 412 p.
14. Mercier L.-S. *Paris pendant la Révolution (1789–1798) ou Le Nouveau Paris*. T. 1. Paris : Poulet-Malassis, 1862. 464 p.
15. Le Bourhis K. (ed). *The Age of Napoleon: costume from revolution to empire, 1789–1815*. New York : The Metropolitan Museum of Art/Harry N. Abrams, Inc., 1990. 284 p.
16. Ribeiro A. Dress in the Early Modern Period, c. 1500–1780 // Jenkins D. (ed.) *The Cambridge history of western textiles*. New York : Cambridge University Press, 2003. P. 659–716.
17. Roche D. *La culture des apparences. Une histoire du vêtement (XVIIe–XVIIIe siècles)*. Paris : Librairie Arthème Fayard, 1989. 549 p.
18. Руссо Ж.-Ж. *Избранные сочинения* : в 3 т. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1961. Т. 3. 728 с.

References

1. Jones, M.J. (2004) *Sexing la Mode. Gender, Fashion and Commercial Culture in Old Regime France*. Oxford; New York: Berg.
2. Rousseau, J.-J. (1981) *Pedagogicheskiye sochineniya: V 2-kh t.* [Pedagogical Works in 2 vols]. Translated from English. Vol. 1. Moscow: Pedagogika.
3. Jones, M.J. (1994) Repackaging Rousseau: Femininity and Fashion in Old Regime France. *French Historical Studies*. 18(4). pp. 939–967.
4. Cage, E.C. (2009) The Sartorial Self: Neoclassical Fashion and Gender Identity in France, 1797–1804. *Eighteenth-Century Studies*. 42(2). pp. 193–215.
5. Bar, K. (2013) *Politicheskaya istoriya bryuk* [Political history of trousers]. Translated from French. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Kale, S.D. (2002) Women, the Public Sphere, and the Persistence of Salons. *French Historical Studies*. 25(1). pp. 115–148
7. Landes, J.B. (1988) *Women and the public sphere in the age of the French Revolution*. Itaca, London: Cornell University Press.
8. Flugel, J.C. (1930) *The Psychology of Clothes*. Hogarth Press.
9. Caron, A. (1806) *Toilette des dames ou encyclopédie de la beauté*. Paris: A.G. Debray.
10. Kwass, M. (2003) Ordering the World of Goods: Consumer Revolution and the Classification of Objects in Eighteenth-Century France. *Representations*. 82(1). pp. 87–116. DOI: 10.1525/rep.2003.82.1.87
11. McKendrick, N. (1982) The Consumer Revolution of Eighteenth-Century England. In: McKendrick, N., Brewer, J. & Plumb, J.H. (eds) *The Birth of a Consumer Society: The Commercialization of Eighteenth-Century England*. London: Europa Publications Limited. pp. 9–33
12. Roche, D. (1987) L'économie des garde-robes a Paris, de Louis XIV a Louis XVI. *Communications*. 46. pp. 93–117.
13. Weber, C. (2006) *Queen of fashion: what Marie Antoinette wore to the Revolution*. New York: Picador; Henry Holt and Company.
14. Mercier, L.-S. (1862) *Paris pendant la Révolution (1789–1798) ou Le Nouveau*. Vol. 1. Paris: Poulet-Malassis.
15. Le Bourhis, K. (ed.) (1990) *The Age of Napoleon: costume from revolution to empire, 1789–1815*. New York: The Metropolitan Museum of Art/Harry N. Abrams, Inc.
16. Ribeiro, A. (2003) Dress in the Early Modern Period, c. 1500–1780. In: Jenkins, D. (ed.) *The Cambridge History of Western Textiles*. New York: Cambridge University Press. pp. 659–716.
17. Roche, D. (1989) *La culture des apparences. Une histoire du vêtement (XVIIe–XVIIIe siècles)*. Paris: Librairie Arthème Fayard.
18. Rousseau, J.-J. (1961) *Izbrannye sochineniya v 3-kh t.* [Selected Works in 3 vols]. Vol. 3. Translated from French. Moscow: Gos. izd-vo khudozh. lit.

Сведения об авторе:

Гурьянова М.В. – аспирант кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва).
E-mail: gmarisabel@mail.ru

Information about the author:

Guryanova M.V. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).
E-mail: gmarisabel@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 12.04.2019;
одобрена после рецензирования 08.08.2021; принята к публикации 25.02.2022.*

*The article was submitted 12.04.2019;
approved after reviewing 08.08.2021; accepted for publication 25.02.2022.*